

ИНТЕРВЬЮ А.КАНА
с американским музыкантом
Д.ОКСОМ

В. Как возник квартет?

О. Однажды - это было в конце 1977 года - мне позвонил Брюс и спросил, не хочу ли я выступить с ним на фестивале "свободной музыки". Еще он спросил, нет ли у меня готового материала для саксофонного квартета. У меня был уже ряд пьес и мы подготовили несколько из них, в том числе "Смельчаки". Одну пьесу принес Джон. Но концерт отложили и, бывший тогда четвертым членом квартета, Тонни Блейз, ушел от нас. Вскоре, однако, к нам присоединился Эндрю, и в феврале 1978 года состоялось наше первое выступление, которое прошло очень удачно. Мы решили не прекращать совместной работы по крайней мере до тех пор, пока не выпустим пластинку, но к тому времени, когда вышла пластинка, мы уже получили приглашение выступить на будущий год на фестивале нового джаза в г. Мерсе, в западной Германии. Так с тех пор мы и работали вместе.

В. Знали ли вы друг друга и играли ли вместе до появления квартета?

О. Брюса я знал давно, лет 5-7 наверное. До 1977 года я работал на небольшой студии звукозаписи в горах. Многие музыканты приезжали туда на каникулы просто поиграть. Часто приезжал и Брюс. Мы подолгу музцировали вместе, пытались добиться чего-то настоящего, в самом деле интересного. Ну, а двое остальных... Эндрю я совсем не знал, Джона знал, хотя играть с ним прежде не доводилось.

В. Каково Ваше музыкальное прошлое до РОВА? Что за музыку Вы играли?

О. Мой путь в музыку весьма необычен. В детстве я играл на трубе в звуковом оркестре, но ничего кроме отвращения к музыке это мне в то время не дало. В колледже я стал работать диск-жокеем, на радио, и, естественно, слушал огромное количество самой разнообразной музыки. Вскоре я купил себе саксофон, хотя к своим занятиям и сам от-

носился не очень серьезно. Когда же я потерял работу на радио, я решил заняться саксофоном, пока что-нибудь не подвернется... Серьезно играть я начал лишь в 1972 году, поэтому мой музыкальный опыт весьма ограничен. В 1978 г. я выступил на нескольких концертах в составе группы негритянского барабанщика Чарльза Бобо Шо "Хьюман Артс Ансамбль" - вроде бы удачно. Потом у меня была своя группа, которая называлась "Нортерн Фикшн Консорт" (*Northern Fiction Consort*) - электрогитары, саксофоны и тьма разнообразнейших ударных - в духе *Art Ensemble of Chicago* плюс несколько голосов, одним из которых была моя жена Лин Хеджинян - она читала свои стихи. В некоторые пьесы мы включали даже художников перформанс, получалось синтетическое шоу.

- В. Есть ли у Вас академическое музыкальное образование?
- О. В том смысле, как это обычно понимается, нет. Я никогда не посещал музыкальную школу, не занимался музыкой в колледже. В детстве я брал несколько уроков на трубе и играл в духовом оркестре. Там меня научили читать по нотам. Но музыке, что это такое и зачем она, там не учили. Вот тебе ноты, это нужно выучить и сыграть, дальше этого не шло.
- В. Похоже, что Вы являетесь основным композитором в группе. Как развиваются Ваши композиционные идеи, откуда Вы их черпаете? Пишите ли Вы музыку только для саксофонного квартета или же у Вас более общий подход?
- О. Сразу три вопроса. Отвечаю по порядку. Во-первых, я вообще не главный композитор. Просто так получилось, что на пластинках, особенно на первых, записано больше моих пьес. Автором многих вещей является Джон и в данный момент, пожалуй, большая часть исполняемых нами пьес - его. Кроме того, немало композиций организуется коллективно и являются плодом совместного творчества ансамбля. Что же касается моих собственных влияний, то все началось с моей работы на радио. Я стал много слушать, начал с рока. Затем, уже в Филадельфии, я

обнаружил для себя Сан Ра, который жил там в это время. Я стал чаще захаживать в фонотеку нашей радиостанции, брал пластинки Сан Ра, Сесила Тейлора. Ну и вполне естественно, что, когда начинаешь интересоваться такой музыкой, постепенно появляется интерес к современной классической музыке, с которой у нового джаза очень много общего. Так внезапно для меня открылись Пендерецкий, Мессиан, Штокгаузен. Ну и, конечно, книги. Книги Штокгаузена или Мессиана по композиции оказали на меня колоссальное влияние. Что же касается моего собственного сочинительства, то я действительно писал и пишу только для саксофонного квартета, по крайней мере, последние пять лет, с тех пор как квартет существует. Именно квартетом я занимался все эти годы, зачем же я стану писать для кого-то еще? Идея сочинительства для какой-то воображаемой, несуществующей группы меня мало привлекает.

В. Совместно с гитаристом Генри Кайзером, владеете и... продюсируете независимую фирму грамзаписи "Метал энгвицк Рекордз." Не могли бы вы рассказать, как возникла фирма и какие задачи она перед собой ставит?

О. После первого концерта РОВА, прослушав его запись, мы почувствовали, как слушатели, что перед нами нечто не совсем обычное, по-настоящему новое.. Нам захотелось выпустить пластинку. Мы, конечно, понимали, что Си-би-эс или "Коламбия" такую запись не купит. Вот мы и подумали, почему бы нам не выпустить ее самим. Я спросил Генри, не хочет ли он помочь нам в микшировании записи. Он охотно согласился, а потом и говорит: "Я тоже хочу выпустить пластинку, может быть откроем свою фирму?" Так вообще-то это и началось в апреле 1978 года. Что же касается задач фирмы, то они - очевидны - в первую очередь выпускать нашу собственную музыку, ну и давать возможность записываться тем музыкантам, музыка которых нам близка. x) (см. на след стр.).

В. Можете ли вы попытаться охарактеризовать то место, которое занимает в сегодняшней американской музыке сакса-

фонный квартет РОВА как с точки зрения художественного, так и организационной (возможность выступать, коммерческий успех, известность и т.п.)?

0. Для организационной структуры музыкальной жизни Соединенных Штатов мы остаемся явлением чужеродным. Та музыка, которую мы играем, джазом, по сути дела, уже не является. Ну а в мире "классики" тоже не много охотников считать, что мы играем современную "серьезную" музыку, главным образом потому, что мы играем на саксофонах и импровизируем. Любой человек из этого мира, обладающий реальной властью принимать решения, говорит: "О кэй, вы играете на саксофонах и вы импровизируете, значит вы джаз." Таким образом, мы оказываемся на ничейной территории, это, конечно, зачастую раздражает, но поделать ничего нельзя. Ну, а определять нашу роль в сегодняшней музыке с точки зрения художественной, думаю, не моя задача. Мы пытаемся найти свое собственное место, пытаемся создать нечто оригинальное, а судить об этом - дело критики.
- В. В создании музыки Вашим ансамблем можно выделить два подхода, на первый взгляд кажущиеся противоречащими друг другу. Первый - чисто или, главным образом, композиционный, т.е. весь или большая часть музыкального материала записывается предварительно на бумагу, и второй - чисто импровизационный, даже спонтанный, когда будущая музыка даже не оговаривается. Не могли бы Вы прокомментировать это различие?

х) К настоящему времени "Металэнгвайз" выпустила более 20 пластинок, главным образом музыкантов, живущих в районе Сан-Франциско, в Зоне Залива. Но есть записи и европейских музыкантов, и пластинка известного индийского инструменталиста, исполнителя на сароде Али Акбар Хана. Все пластинки фирмы - это не раз отмечалось в джазовой прессе - отличаются чрезвычайно высоким, как художественным, так и техническим уровнем.

0. Ну, во-первых, я бы хотел сказать, что никакие музыкальные возможности не считаю противоречивыми. Мне кажется, что, как только оказываешься вовлеченным в процесс создания музыки, начинаешь черпать идеи из самых разнообразных сфер музыки. У нас процесс создания пьесы может происходить и следующим образом: мы начинаем с импровизации, затем слушаем то, что получилось и, если получилось, пытаемся проанализировать и даже записать на бумагу, чтобы была возможность повторить это в следующий раз, а не просто импровизировать опять и надеяться, что получится. Все мы в группе привержены идеи композиции и импровизации для нас является лишь средством выхватывания, высвечивания композиционных идей. Так же примерно происходит и у Штокгаузена.
- B. Но английская школа свободной импровизации, с которой вы тесно связаны как музыкально, так и личными контактами — ее лидеры Дерек Бэйли и Эван Паркер не раз появлялись на пластинках "Металэнгвист", — вы приглашали их для участия в своем фестивале импровизированной музыки, — придерживается противоположной точки зрения. Они полностью отвергают идею композиции и строго придерживаются принципа спонтанной импровизации.
0. Я, конечно, не могу говорить за них. Прошлой осенью у нас было турне по Великобритании, мы выступали в одном концерте с группой "Олтерейшнз": Стив Бересфорд, Питер Кьюзак, Терри Дэй — все приверженцы спонтанной импровизации. Так вот, в этом турне мы намеренно не выступали со свободной импровизацией, чтобы не перекрываться с ними и чтобы возник хороший контраст. Доначалу обе группы были несколько обеспокоены подходом друг друга, но мы ни о чем не договаривались, все вышло само собой, и к концу всем было совершенно очевидно, что есть немало точек соприкосновения, возникло настоящее взаимодействие и, в конце концов, концерт в целом выливался в единую форму. Вот почему я говорю, что не вижу в этом противоречия, оба эти способа музикации скорее не

противостоят друг другу, а переходят один в другой. Если же говорить о Дереке и Эване, то, действительно,, выступая в собственных группах, как лидеры, они играют лишь импровизированную музыку. Но я знаю также, что они принимают участие и в группах, использующих композицию, поэтому мне не кажется, что здесь можно говорить о какой-то очень жесткой пуританской позиции.

- В. Несколько слов о вашем социальном положении. Насколько экономически рентабельной, если можно так выражаться, является ваша музыка? Удается ли вам жить на те деньги, что вы зарабатываете от концертов, пластинок или же вам приходится работать где-то еще? И есть ли надежда на серьезное улучшение в дел для вас в этом аспекте?
- О. Мне кажется, что любые подобные надежды в Америке для группы, играющей оригинальную музыку, которую невозможно однозначно охарактеризовать, являются нереалистичными. По крайней мере на ближайшие годы. Достаточно взглянуть хотя бы на *Аесила Тэйлора* и *Стива Лэйси*. Эти люди, приближающиеся к своему пятидесятилетию, лишь сейчас, последние 5-6 лет, живут на деньги, зарабатываемые музыкой. И у нас в группе каждому приходится работать где-то еще. Брюс работает продавцом в магазине грампластинок. Эндрю - на молокозаводе, а Джон - в строительной фирме плотником. Да взять хотя бы то, как мы собирали деньги для этой поездки. Будь мы хорошо известной поп-группой, даже если бы мы зарабатывали много денег и вдруг захотели бы собрать средства для поездки в СССР, то, уверен, мы бы их собрали мгновенно. Но так как мы не поп-группа, не чисто джазовая группа, и не классический ансамбль, нам приходилось в течение полутора лет собирать деньги лишь среди друзей. Никакие благотворительные фонды, организации, обычно финансирующие подобного рода турне, нам не помогали.
- В. Вы уже несколько дней в Советском Союзе. Ваши впечатления о стране и о людях?
- О. Прежде всего, я очарован людьми. Поражен тем теплом, с

которым нас повсюду встречали. Не только те, кто знал о нашем приезде и ждал нас, а обычные люди, просто на улице, или водители такси, все были очень дружелюбны. Я уверен, что в США такое немыслимо. В Москве меня поразило обилие людей самых разных национальностей, просто удивительно, сколько разных национальностей живет в СССР. Восхитили своей красотой города, особенно Ленинград. Овших городах невозможно составить представления по фотографиям, их надо видеть.

- В. А каково ваше мнение о публике? Насколько ее реакция на вашу музыку соответствовала вашим ожиданиям?
- О. Я готовился к этому турне полтора года, много всего перечитал и теперь только понял, насколько превратны были наши представления о советской публике, полученные из книг западных авторов о СССР. В одной из книг я прочел, что люди на концертах скованы, никак не выражают своих эмоций. Мы, конечно, очень этого боялись, поэтому, когда уже на первом концерте нас встретил очень теплый, а главное живой, эмоциональный прием, мы были приятно удивлены.
- В. Возвращаясь к музыке. Как возникла идея саксофонного квартета?
- О. Собственно идея принадлежала Брюсу. В детстве он пел в хоре и ему захотелось испробовать аналогичную ситуацию с четырьмя подобными голосами. Меня эта идея очень привлекла. Ты не окажешься заглушенным гремящими ~~ударными~~ ударными, не нужно играть очень громко, если не хочется, не нужно сдерживать себя и играть тихо, так как рядом нет скрипки, которую ты можешь заглушить. Не нужна усиливающая аппаратура, все играют на акустических инструментах. Ну и кроме таких чисто технических преимуществ, в подобной ситуации масса возможностей, как и в струнном квартете.
- В. Не оказали ли влияние на создание вашего квартета предыдущие опыты в этом направлении. Например Э.Брэкстона? И как вы относитесь к другим подобным ансамблям, например ?

О. Да, я, конечно, слышал пластинку Брэкстона с этой одной пьесой для саксофонного квартета, до того как мы задумали наш ансамбль, кажется слышал и "Saxophone Special" Стива Лейси — вполне возможно, что эти опыты послужили в немалой степени толчком... Что же касается *WSQ* мы о них ничего не знали, когда начали работать. Даже пластинку их мы услышали впервые лишь года два тому назад. Как мы к ним относимся?... Видите ли, единственное, на мой взгляд, что нас связывает, это то, что мы — восемь современных саксофонистов. Они почитают традицию и вообще стараются работать в ее русле, мы же стремимся создать нечто относительно новое. Наши направления совершенно различны. Сравнивать, мне кажется, даже нет необходимости. Мы можем выступить в одном концерте и два отделения будут абсолютно не похожи друг на друга по музыке.

В. Ну и все-таки вы ощущаете себя причастными к какой-либо джазовой традиции?

О. Лицно я, пожалуй, лишь сейчас начинаю обращаться к ней. Когда я начал играть на саксофоне — мне было уже 22 года — я сразу стремился выразить какие-то идеи. Уже тогда я знал, чего хочу, собственно, поэтому я и начал играть. В то время для меня, пожалуй, единственным сильным влиянием был Чикагский Художественный Ансамбль. Так что начал я уже с фри, просто импровизировал и смотрел, что получится. Потом лишь постепенно я стал оглядываться, пытаясь выяснить, откуда появилась эта музыка, стал узнавать людей типа Сан Ра, которые даже в 1972 году были для меня всего лишь именами. Я и до того слышал их музику, но совсем немного, поэтому, думаю, что назвать меня традиционно ориентированным музыкантом нельзя. Конечно, в моей игре можно почувствовать те или иные влияния, иногда мне говорят: ты звучишь как Арчи Шапп или кто-то еще. Конечно, я слушал все эти пластинки, мне они по-настоящему нравятся, но я никогда не стану играть темы Чарли Паркера.

В. Я знаю, что Вы были вовлечены в политическую деятельность в студенческие годы. Существует ли для вас какая-либо об-

щекультурная, политическая, идеологическая мотивация при создании музыки?

О. Да, существует. Большинство моих пьес, особенно первые пьесы имеют какую-то культурную, политическую основу... Взять хотя бы "That's How Strong" (из альбома "Level of Secrecy"). Я хорошо помню то ощущение ярости и отчаяния, которое охватило меня, когда вскоре после Уотергейта было объявлено, что Никсон реабилитирован, больше подвергаться преследованию не будет, что он якобы достаточно пострадал, будучи смешенным со своего поста. С этим ощущением я и писал пьесу... Конечно, я понимаю, что это может показаться наивным... Собственно к музыке я обратился, разочаровавшись в общественной деятельности, в которой всегда замешано слишком много людей. В искусстве, в музыке ты можешь делать то, что является именно твоим — хотя я не могу сказать, что РОВА является в этом смысле идеальным образованием. Мы часто и подолгу спорим о том, как должна звучать та или иная пьеса, часто на это уходит гораздо больше времени, чем хотелось бы. В конце концов мы всего лишь четыре разных человека, но по крайней мере можно быть уверенным в искренности мотивов каждого из нас. В 60-е годы, принимая участие в студенческом движении, я никогда не мог быть уверенным в искренности людей. Многие из них по-моему просто любили покрасоваться перед камерой. Поэтому возврат к музыке принес гораздо больше удовлетворения. Хотя я, конечно, понимаю, что играя музыку вряд ли что-нибудь изменишь в этом мире, приятно притворяться или быть убежденным, что это так... Хотя уже то, что мы приехали сюда, говорит о том, что что-то все-таки можно сделать...

В. РОВА существует уже более пяти лет. Срок немалый. Вы только что сказали, что в группе бывают трения того или иного рода. Считаете ли вы, что просуществуете еще долго как ансамбль?

О. Да, думаю, что да. Мы пережили уже немало очень серьезных кризисных ситуаций, когда казалось, что тот или иной

из группы уйдет. И на самом деле Брюс уходит на два месяца. В различные периоды у кого-нибудь из нас возникают серьезные сомнения относительно того, что мы делаем, главным образом из-за финансовых трудностей: приходится работать в других местах. Это создает лишнее напряжение. Мне кажется именно это было основной причиной сомнений и разногласий. Но сейчас, кажется, этот болезненный период преодолен, и хоть всегда может произойти что-то непредвиденное, в этом смысле я смотрю в будущее с оптимизмом.

В. Можно ли сказать, что музыкально все члены группы единомышленники?

О. С некоторыми оговорками, да. Но, как мне кажется, особую ценность имеют существующие между нами различия. Мы не являемся группой с ярко выраженным лидером, как например, Сан Ра... Вспомните хотя бы *Beatles*, насколько все, что они делали после распада уступало их совместной работе. Здесь, видимо, колossalную роль играет динамика группы, когда творческий результат, возникающий в результате взаимодействия ее участников, значительно превосходит то, что каждый мог бы сделать сам, и мне определенно кажется, что у нас примерно такая же ситуация. Мне очень нравится играть с другими людьми, но, думается, не скоро еще возникнет ситуация, где бы я смог ощутить, что делаю нечто столь же музыкально значительное, как то, что мы делаем сейчас.

В. На одной из пластинок "Смельчаки" - вы записались вместе с гитаристом Генри Кайзером. Есть ли у вас еще планы привлечения других музыкантов в ваши выступления или записи?

О. В следующем году в мае мы планируем серию концертов со струнным квартетом, я должен для этого написать специальную музыку. Осенью будущего года мы с этой программой будем в Европе и я надеюсь, нам удастся еще раз приехать в Советский Союз и показать ее вам.

В. Какого рода музыку вы сами слушаете и кто из современных американских композиторов/ музыкантов представляется Вам наиболее значительным и интересным?

0. Пожалуй, наиболее сильное впечатление за последнее время на меня произвела пластинка французского композитора Люка Феррари. Опять стал много слушать Мессиана, особенно после его приезда в Сан-Франциско. Из интересных для меня композиторов- музыкантов могу назвать Константа Кениэра, Эллиота Картера, Энтони Дэвиса, Мередит Монк. Совершенно феноменальное явление представляет собой Лори Андерсон. Она строит синтетические шоу с участием музыки, пения, стихов, танца, сценического действия, кино. Не могу сказать, что мне очень близко то, что она делает, но она безусловно гений. Одним из самых мощных новых голосов мне представляется молодой ньюйоркский саксофонист и композитор Джон Зорн. Он пока мало известен, но мне кажется он вырастет в крупнейшую фигуру современной американской музыки.
- B. Вы упомянули, что в начале своей карьеры музыканта играли в ансамбле Чарльза Бобо Шо. В последнее время он и немало других черных музыкантов начали играть музыку, получившую название свободный фанк (*free funk*), и *no wave* (никакая волна).^{*} В Европе тоже возник целый ряд групп, пытающихся объединить элементы джазового авангарда с эстетикой новой волны, панк-рока. Что вы думаете по поводу этих тенденций?
0. Очень интересно, что вы задали мне этот вопрос, меня последнее время не покидает ощущение, что надо как-то пересмотреть свое мнение по этому поводу. Вобщем-то, я считаю, что большая часть этой музыки полная чушь и делается только потому, что люди эти буквально голодают, занимаясь творческой музыкой, они просто не могли больше позволить себе роскошь играть только творческую музыку. Заниматься другой побочной деятельностью, как Брюс или Эндрю, они не хотели - они в конце концов музыканты и хотят зарабатывать себе на жизнь музыкой. Поэтому вобщем-то мне эта музыка не интересна. Но сейчас в Нью-Йорке происходит что-то, о чём я пока знаю только понаслышке, как например . Я их не знаю,

* По аналогии с new wave - новой волной рока.

поэтому не могу об этом говорить, но если они пытаются создать новый стиль *фридж*, который действительно будет оригинальной музыкой — говоря оригинальной, я не имею в виду абсолютно новой, никогда не слышанной раньше, я говорю лишь об органичности слияния элементов, не важно классика ли это, джаз или новая музыка — чистой музыки больше нет, все смешалось. Все дело лишь в равновесии этих элементов. Кое-что из этой музыки может быть по-настоящему значительным и интересным, кое-что вторичным и *спущенным* скучным, но если люди делают это по художественным побуждениям — прекрасно, если же просто потому, что хотят заработать... Слушая пластинку, всегда можно сказать, вкладывал ли музыкант свою энергию или же стремился сорвать куш. В общем-то, я даже не осуждаю тех, кто делает это исключительно из желания подзаработать, они имеют такое же право зарабатывать деньги, как и все остальные, но у меня ощущение, что они все же не до конца понимают, что нельзя просто так вдруг решить и начать зарабатывать кучу денег, играя такую музыку. Возьмите хотя бы Барри Мэнлоу — ведь надо обладать особым талантом, чтобы так здорово делать такую паршивую музыку, а?

В. Вы сказали, что хотите пересмотреть свое отношение к этой музыке. Значит ли это, что вас опять потянуло к року, к корням?

О. Нет, я не это имел в виду. Сроком у меня произошло следующее: с определенного момента для меня стала невыносима ритм. секция, бас и ударные, это бесконечное бум-бум, что бы ни накладывали на него. В музыке мне нравится ощущение какой-то зыбкости, опасности, риска, а какой может быть риск, когда за спиной железный ритм. В последнее время я лишь говорю себе, что быть может не стоит быть столь нетерпимым, многое из этой музыки должно быть лучше, чем я думал. Надо послушать.
